

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-79-169-182>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. Н.А. Лунькова
г. Санкт-Петербург, г. Москва, Россия

БОЛГАРСКИЙ И ПОЛЬСКИЙ ВОПРОСЫ В ВОСПРИЯТИИ И.С. АКСАКОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТ «МОСКВА» И «МОСКВИЧ» (1867–1868))

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-78-10045 «Национальные движения в оптике имперской легитимности: революции, восстания, бунты, мятежи в славянских землях в риторике российской власти долгого XIX века»

Аннотация: В статье на материале статей И.С. Аксакова, опубликованных в газетах «Москва» и «Москвич» (1867–1868), анализируется восприятие им польского и болгарского национальных вопросов. Немаловажную роль в понимании специфики его взгляда на общественно-политическую жизнь поляков и болгар сыграла идея существования целостного православно-славянского мира, в котором объединяющей силой выступает именно восточное христианство. Аксаков объявляет поляков «врагами славянства» и помещает их, в отличие от других славян-католиков, за рамки этого объединения. Обращается внимание на то, что в оценке действий поляков и болгар — народов, боровшихся за национальную независимость и выступавших против власти соответствующих империй, — Аксаков придерживается противоположных позиций и применяет разные понятия для описания этого сопротивления: в ситуации с польским вопросом — это «мятеж», с болгарским — «восстание» / «возрождение». Показано, что в контексте польской национальной идеи на страницах «Москвы» и «Москвича» актуальна обозначенная Аксаковым еще в газете «День» идея полонизации — особой, скрытой формы мятежности, которая угрожает жителям Западного края. В болгарском вопросе Аксаков также усматривает два вектора восстания: вооруженное сопротивление и духовное возрождение.

Ключевые слова: Аксаков, панславизм, православие, католицизм, национализм, русская журналистика, русская общественная мысль

Информация об авторе: Наталья Александровна Лунькова — младший научный сотрудник, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Менделеевская линия, д. 5, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия; младший научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский просп., д. 32 А, 119334 г. Москва, Россия

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9193-3890>

E-mail: lunkova_n@mail.ru

Дата поступления статьи: 17.11.2025

Дата одобрения рецензентами: 27.01.2026

Дата публикации: 25.03.2026

Для цитирования: Лунькова Н.А. Болгарский и польский вопросы в восприятии И.С. Аксакова (на материале газет «Москва» и «Москвич» (1867–1868)) // Вестник славянских культур. 2026. Т. 79. С. 169–182.
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-79-169-182>

Введение. О газетах «Москва» и «Москвич» (1867–1868)

Общественно-политическая деятельность Ивана Сергеевича Аксакова (1823–1886) была неразрывно связана с идеологией славянофильства, с разработкой его теоретических основ, с публикацией газет, журналов, сборников, отражавших славянофильскую позицию в изображении и осмыслении актуальных фактов общественной жизни и регулярно подвергавшихся цензурным репрессиям, а также с деятельностью славянских благотворительных комитетов. В 1860–1880 гг. И.С. Аксаков редактировал несколько славянофильских изданий, среди которых была ежедневная газета «Москва» (с 1 января 1867 г. по 21 октября 1868 г.). Ее учредителями выступили обладавшие значительным влиянием в среде московского купечества промышленник, ученый Ф.В. Чижов и экономист, заслуженный профессор Императорского Московского университета И.К. Бабст, которые смогли привлечь известных специалистов (А.К. Корсака, В.Г. Иткина, А.С. Черокова и др.) к работе над газетой, которая служила бы отражением политических и экономических интересов московских купцов. С.В. Мотин подчеркивает, что «в числе основателей газеты были едва ли не все крупнейшие капиталисты Москвы и московского промышленного района. Для московской буржуазии газета была важна в связи с борьбой в правительственных и торгово-промышленных кругах вокруг нового таможенного тарифа» [1, с. 5].

И.С. Аксаков, будучи редактором-издателем «Москвы», был сосредоточен на освещении вопросов внутри- и внешнеполитических, а также церковных, во многом продолжая тот публицистический вектор, который он развивал в газете «День» (1861–1865). Однако, как отмечает В.Н. Греков, «по сравнению с газетой “День” дальнейшей разработке славянофильской теории национальной самобытности в новом издании уделялось значительно меньше внимания» [2]. Тем не менее и на страницах этих газет Аксаков затрагивал важные для его политической философии и отражающие его общественную позицию вопросы славянства, в том числе национально-освободительное движение славянских народов в 1860 гг.

В истории русской журналистики «Москва» занимает особое место ввиду вопросов цензуры: за свое недолгое существование она получила девять предостережений и трижды приостанавливала свою деятельность. Во время второго перерыва владельцы «Москвы» стали издавать газету-«двойник» — «Москвич» (с 23 декабря 1867 г. по 14 февраля 1868 г.), номинальным редактором которой был П.И. Андреев, а фактическим — И.С. Аксаков. «Москвич» вскоре был запрещен без объяснения причин¹. После закрытия «Москвича» Аксаков в письме к купцам — пайщикам газеты — пишет, что во «всех бедствиях», которые произошли с изданием, он усматривает свою вину:

...В моем имени, в моей личности, как писателя и публициста, достаточно определившейся всею моею довольно долговременной литературною деятельностью, в моих отношениях к преобладающей административной власти, ведающей судьбы русского печатного слова (Цит. по: [1, с. 106]).

¹ Подробнее о в судьбе этих изданий и вопросах цензуры, см., например: [4, 8–10].

В рапорте министра внутренних дел А.Е. Тимашева, настаивавшего на прекращении издания «Москвы», можно выделить несколько причин, обуславливающих, с его точки зрения, «вредность» направления газеты: «...усвоенная газетой “Москва” крайняя резкость порицаний как отдельных частей нашего законодательства, так и всей правительственной системы <...>, крайне оскорбительные ее выходки против высших правительственных лиц, действовавших по указаниям Высочайшей воли, не могут быть долее терпимы» (Цит. по: [1, с. 145]). Говоря о системе цензуры в Российской империи, в «Законодательстве о печати» К.К. Арсеньев обращает внимание на то, что именно «Москва» Аксакова стала примером исключительного административного давления на печатные издания того времени:

В чем же заключаются, наконец, те тяжкие проступки «Москвы», за которые она так много пострадала, которые сделали невозможным ее дальнейшее существование и обрекли на безмолвие целую литературную партию, лучшую представительницу русского консерватизма? Мы едва ли ошибемся, если скажем, что «Москве» повредил всего больше *тон* ее статей. Господство предварительной цензуры приучило нашу печать к недомолвкам и намекам, приучило ее выражать даже самые смелые мысли в самой скромной форме, говорить шепотом даже тогда, когда это всего менее совместно с содержанием речи. Обычная осторожность печати нарушалась иногда при обсуждении общих, отвлеченных вопросов, но почти никогда при разборе отдельных правительственных мер. «Москва» пошла с самого начала другою дорогой; она заговорила громко, решительно, называя вещи их настоящими именами, не нарушая приличий, но и не останавливаясь на полуслове [2, с. 39].

А.А. Тесля отмечает, что, «несмотря на столь сложную и бурную историю издания, и ее пайщики, и редактор оказались вполне удовлетворенными итогами своего сотрудничества» [12, с. 292]: помимо того, что Аксаков получил трибуну для выражения общественной позиции, он смог укрепить свой авторитет в московском деловом мире, что «поможет ему как в устройстве своих личных дел, так и в организации многочисленных благотворительных и общественных предприятий» [12, с. 293]. Вопрос цензуры и противостояния административным нападкам был принципиальным для Аксакова, стремившегося отстаивать свободу слова как таковую, но, по справедливому замечанию А.А. Тесли, писатель не нашел широкой общественной поддержки в этом споре.

«Без объединения духовного не совершится объединение славянского мира...»

Очерчивая эволюцию политических взглядов И.С. Аксакова, Н.И. Цимбаев полагает, что литератор постепенно отошел от истинного славянофильства и стал тяготеть к славянолюбию, которое включало в себя «черты панславизма, т.е. стремления подчинить славянские народы политическому и идеологическому влиянию российского абсолютизма» [13, с. 45]. В целом для славянофилов с учетом их интереса к судьбам славян, к их желанию обретения независимости не были характерны панславистские настроения, однако ситуация изменилась в 1870 г., и «мысль о необходимости политическими и военными средствами ускорить освобождение южных славян и включить их в сферу влияния России стал отстаивать И.С. Аксаков. Два обстоятельства определили его путь к панславизму: горькое чувство конца славянофильства и резкое обострение Восточного вопроса (субъективно И. Аксаков ощущал себя прежде всего другом южных славян, их спасителем). Отход от славянофильства у Аксакова сопровождался отходом от либерализма вообще. Главным в его воззрениях к середине 1870 годов стали положения, которые могут быть охарактеризованы как консервативно-националисти-

ческие» [13, с. 119]. Цимбаев также приходит к заключению, что в этот период все чаще стали звучать «призывы к “русскому патриотизму”» [13, с. 63]. И действительно, славянофильская терминология использовалась уже теми общественными деятелями, кто стоял на иных, нелиберальных позициях, особенно после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и «называть национализм “славянофильством” было нетрудно и безопасно: истинное славянофильство сошло с арены общественной жизни» [13, с. 64]. Трудно не согласиться с тем, что Аксаков в то время уже сам был на позициях национализма, хотя считал их прежними, славянофильскими.

Анализ статей «Москвы» и «Москвича», посвященных славянской проблематике, свидетельствует о том, что панславистские идеи Аксаков развивал уже во второй половине 1860 гг., примером чему может послужить знаковая статья «Если славяне хотят остаться славянами, они должны отречься Рима и всех дел его». В этой публикации Аксаков рассматривает соотношение понятий народности и вероисповедания и приходит к выводу, что «нет ничего пагубнее для истинного возрождения славянской народности той ложной мысли, что народность стоит выше веры, что вероисповедание есть дело только совести личной и что славянские патриоты должны относиться к нему безразлично» [15, с. 215]. Восток и Запад, по Аксакову, есть «термины качественные» [15, с. 215], а не географические, что дает ему основание рассматривать славян, включая католиков, как часть мира восточного. Принципиальным оказывается для Аксакова тот факт, что это мир «*православно-славянский*, которого представительницей является Россия, к которому примыкают и влекутся neodолимым влечением *все, даже иноверные*, [курсив мой. — *Н.Л.*] славянские племена, в ком не успело запустить глубоких корней латинство, — мир самобытный, с несомненным залогом великой исторической будущности, ненавидимый Западною Европою» [15, с. 215].

При описании взаимоотношений славянских народов и Запада Аксаков прибегает к традиционной антитезе *мать / мачеха*, подчеркивая, что славяне, пусть и католического вероисповедания, всегда будут для Европы, которая ненавидит православных, только пасынками, «и для них она все же не мать, а мачеха» [15, с. 215]. В финале статьи Аксаков ставит славян перед выбором между «чащей духовных противоречий» и «широким духовным путем истины православной» [15, с. 216]; между Западом и Востоком; между папой и Христом и высказывает мысль, что славянам-католикам ничто не мешает возводить православные храмы, чтобы упрочить самостоятельность своих народностей:

Мы не видим причины, почему, пользуясь свободой вероисповедания, огражденною конституцией, не могли бы те из славян-католиков, которые разделяют наш образ мыслей, отречься от латинства, присоединиться к православию, воскресить древнее славянское богослужение и воздвигнуть православные храмы — и в Праге, и в Берне, и в прочих олатиненных местах. Кто может им в этом воспрепятствовать? [15, с. 216]

Апелляция к «живой силе» славянской старины, деятельности Кирилла и Мефодия, которые «принесли свет христианства к морavam и чехам» [15, с. 214], носит подчеркнuto эмоциональный характер. Нельзя не отметить откровенную утопичность этой статьи Аксакова, фактически призывающего славян-католиков отказаться от своей религиозной идентичности во имя абстрактной идеи объединения всех славян на основе православия. Тем не менее именно данная публикация представляется одной из наиболее значимых для понимания специфики восприятия писателем зарубежных славян.

Аксаков фактически приводит к единому знаменателю понятия «славянский» и «православный», поддерживая миф Православного Востока через создание образа единого для всех славян мира, в котором ключевые позиции занимает конфессиональная, а не национальная идентичность.

Поляки vs. православно-славянский мир

«Польское восстание 1863 г., — пишет Н.И. Цимбаев, — стало пробным камнем для давнего славянофильского тезиса о праве каждого народа на самостоятельное развитие» [13, с. 105]. Проблема отношения к польскому восстанию приводит в начале 1860 гг. к расколу славянского круга на три позиции². Часть славянофилов настаивает на независимости Польши (братья Елагины); другие говорят о необходимости подавления восстания (Ю.Ф. Самарин); Аксаков же занимает промежуточную позицию и уже на страницах «Дня» развивает мысль о том, что даже при подавлении восстания «неисправимое безумие Польши» [16, с. 19] не позволит решить польский вопрос, ибо невозможно, чтобы Польша претерпела коренные преобразования как в области «гражданской внешней организации», так и «в самых недрах своего духа» [16, с. 20]. Разграничивая шляхту и народ, который должен получить одинаковые с ней политические права, Аксаков настаивает на необходимости созыва не шляхетского, а всенародного польского Сейма, по результатам которого Польша смогла бы определить свое будущее — с Россией (тогда союз с ней будет иметь добровольный, а не насильственный характер) или без нее (интересно, что в этом случае, по мнению Аксакова, в Польше непременно «вспыхнула бы самая ужасная, самая кровавая анархия, самая отчаянная междоусобная брань», вследствие которой здравомыслящая часть поляков попросила бы у русского государя «принять Польшу под свою крепкую руку» [16, с. 22]).

По убеждению И.В. Чуркиной, во второй половине 1860 гг. польский вопрос уже не так обращает на себя внимание славянофилов, как в начале десятилетия: «После подавления восстания 1863–1864 гг. и проведения крестьянской реформы в Польше польский вопрос постепенно стал отходить на второй план в русском общественном мнении. К нему вновь возник интерес во время Этнографической выставки и Славянского съезда в 1867 г. в Москве» [14, с. 268]. «“Польский вопрос” во второй половине XIX – начала XX века, — как отмечает А.А. Тесля, — был и “больным местом” русского национализма, и тем вызовом, который мобилизовывал националистическое движение» [12, с. 334]. Разные аспекты «польского вопроса» продолжают присутствовать на страницах публицистики Аксакова, резкие и эмоциональные высказывания которого в адрес поляков позволяют говорить о существовании в его политической философии оппозиции *поляки / славяне*.

С точки зрения Аксакова, поляки больше не принадлежат к славянам, поскольку католицизм стал составлять их народную сущность:

Из всех славянских племен только одно усыновлено Западом вполне — это именно то племя, которое приняло латинство себе в плоть, кровь и душу, которое отсеклось от братства славянского и стало передовым войском латинского Запада против православно-славянского мира, — это племя польское. Его похитил из славянского мира католицизм; он изгубил, он заел его славянскую душу [10, с. 215].

Еще в «Дне» Аксаков отмечает, что католицизм понимается им прежде всего как политическая доминанта:

² Об этом подробнее см., в частности, в: [11].

У нас, на Белой Руси, появление католичества сверх общего значения, имело еще и особенность: оно было не простым отрицанием, но подавлением православия, и при том в угоду национальной и государственной исключительности [16, с. 287].

В статье «О значении католицизма и еврейства в Западном крае» публицист настаивает на том, что католицизм является серьезным способом политического воздействия на население, и не случайно, что именно «ксендзы были одними из главных вожакосв последнего мятежа: костелы были главными революционными клубами» [16, с. 286]. Это созвучно мысли из более ранней статьи в газете «День»: «...ксендзы, с крестом в руке, являются всюду предводителями мятежнических шаек, благословляют кровавые оргии и зверства» [16, с. 17].

На страницах «Москвы» и «Москвича» Аксаков неоднократно возвращается к теме польского восстания и рассуждает об искусственной природе Царства Польского, которое в «Дне» он называл созданным Александром I «призрачным государством» [16, с. 303]; «аванпостом Европейской интриги против России»; «пороховым погребом, от которого велись подкопы под Северо-Западный и Юго-Западный наш край...» [16, с. 304]. В самом факте появления Царства Польского Аксаков усматривает навязывание полякам притязаний на независимость, а в статье «Пруссия — желанный союзник России ради ее укрепления как славянской державы» выделяет три ключевых вопроса (Польский, Восточный и Славянский), которые есть у России в Европе, рассуждает о возможных политических союзниках России и обращает внимание на заинтересованность большинства европейских государств в том, чтобы «питать его [польского вопроса — *Н.Л.*] живучесть своею поддержкой нравственной и даже материальной» [15, с. 207]. Аксаков считает польский вопрос «внутренней язвой», «залечить» которую мешают многие, включая Англию, которая едва ли не «первая пустила тот брандер, который возжег пламя последнего польского мятежа» [15, с. 207]. Отношение Аксакова к решению польского вопроса значительно отличается от его отношения к положению остальных, не имеющих национальных государств славян (как австрийских, так и турецких), и это проявляется, помимо прочего, в употреблении понятия «мятеж» вместо «восстание».

Как отмечает В.И. Карасик, «в русском языке семантическое поле “восстание” структурируется в направлениях “революция” (подготовленное крупное успешное) и “бунт”, “мятеж” (стихийное мелкое подавленное). Обращает на себя внимание четкое позиционирование тех, кто именно определяет этим понятием данное событие: со стороны угнетенных это восстание и революция, со стороны угнетателей — мятеж и бунт» [5, с. 42]. Понимая польский вопрос как внутривполитический и апеллируя к понятию «мятежа», Аксаков рассматривает его, по Карасику, в оптике власти, т.е. угнетателей («противостояние, “мятеж” связаны со смутой и смятением (с позиций власти это — нарушение порядка)» [5, с. 43]). Безусловно, Аксаков не был единственным общественным деятелем, характеризовавшим события в Царстве Польском 1863 г. как мятеж: такую же позицию занимали представители консервативного направления русской мысли, делая «акцент на опасности восстания для целостности империи и единства русского народа. Восстание квалифицировалось как мятеж, бунт, измена. <...> Видное место в построениях консерваторов занимали тезисы о предательстве, вероломстве и неблагодарности поляков. Свою специфику имела славянофильская интерпретация русско-польских отношений, причем историософские рассуждения славянофилов приобретали все большее влияние на общественное мнение России» [3, с. 98].

Едва ли не единственным примером, когда сам Аксаков подчеркнуто отказывается от характеристики событий в Польше 1863 г. как мятежа, является его статья «О “всенародном” Польском Сейме для решения Польского вопроса» от 2 февраля 1863 г. (газета «День»), где Аксаков обращает внимание на то, что противоборство поляков Русскому правительству — это отнюдь не нечто «стихийное» / «мелкое», а напротив, довольно масштабное: он усматривает в нем «все элементы национального восстания», полагая, что «это не просто мятеж или бунт» [16, с. 18], так как проистекает не из-за частного недовольства, а из «всенародного интереса», желания «национальной независимости и свободы, ненависти к чуждому игу и восстановления Польши в прежнем могуществе и объеме» [16, с. 18].

Важно отметить, что для писателя существует два вектора польской мятежности. С одной стороны, это внешнее сопротивление, которое в конечном счете вылилось в восстание 1863 г., а с другой — нечто более существенное, способное влиять на идентичность жителей Западного края.

В статье «Наш враг не Польша, а полонизм» («День», 21 сентября 1863 г.) Аксаков подчеркивал:

...в Польско-Русском вопросе есть что-то, что не исчерпывается одним внешним явлением мятежа и не разрешается одним усмирением мятежа, да и самый мятеж, по-видимому ничтожный, имеет какой-то другой смысл, не совсем тот, который навязывают ему некоторые публицисты, — почерпает свою силу не в одном только элементе беспорядка?.. Что же это за враг, которого не заметили эти публицисты и который сильнее, живучее шакс Гачановского и всех вооруженных Поляков, взятых вместе? Этот враг — *полонизм* [16, с. 157].

Аксаков приходит к выводу, что именно полонизация способна стать сильным инструментом воздействия на непольское население и что национальное, «шляхетское» стремление может приобрести характер «социально-космополитический» [16, с. 158]. Публицист упрекает поляков в подстрекательстве к сепаратизму жителей Малороссии, в оживлении украинофильских настроений. В этом контексте важна статья «Призыв П.А. Кулиша создать малорусский литературный язык — попытка раздробить духовное единство Руси», в которой публицист отмечает:

План состоит в том, чтобы всеми мерами возбудить в галичанах и вообще в малорусах чувство личного племенного самолюбия и стремление к обособлению от России — прежде всего в языке [15, с. 192]).

«Весь спор у России с Польскою шляхетскою партией, — пишет Аксаков, — идет собственно за свободу и независимость Русской Украины, или Малой Руси и Белой от гнета Польской национальности; что так называемая Польская идея не означает ничего другого, как порабощение Польскому господству Малорусского и Белорусского племени» [16, с. 329]. Таким образом, в своих рассуждениях Аксаков неоднократно подчеркивает, что нельзя недооценивать опасность полонизации.

В «Москве» и «Москвиче» писатель предлагает проекты нового территориального деления Западного края (например, в статье «Еще о новом разграничении Западного края»): ослабить граничное значение р. Днепр, изменить состав земель соответствующих губерний Юго-Западного и Северо-Западного краев, чтобы усилить значение русского элемента и, соответственно, ослабить экспансию польского. Аксаков убежден, что следует «смешать, затереть древнее разграничение, вследствие которого Западные

наши губернии до сих пор невольно обособляются названием края» [16, с. 293], это будет способствовать восстановлению органического единства с русским государством тех земель, которые испытывают польское влияние. Важную роль играет выдвигаемая Аксаковым идея «обрусения» (а не насильственной русификации) части западных губерний, которое предполагает не подавление иных национальных культур, а укрепление русской и распространение сферы ее влияния на другие: «Необходим собственный подъем коренного Русского населения, и духовный, и материальный» [16, с. 302].

Таким образом, в польском вопросе мятеж, будучи формой открытого сопротивления, способен уступить место другой, скрытой форме противостояния — пролонгированному действию интенсивно распространяющейся польской культуры, под влияние которой попадут русские в западных губерниях. Конституирование отрицательного образа поляка выходит в «Москве» и «Москвиче» на новый уровень: вместе с немцами и мадьярами они (как «политическая секта» [15, с. 210]) отнесены Аксаковым к врагам славянской идеи, ибо являются «извечными изменниками славянства» [15, с. 267], его гонителями, «славянскими ренегатами» [15, с. 188], «проповедующими гибель России и отрицающими ее славянское значение» [15, с. 175]. «Верные прихвостники Западной Европы и латинства, давно изменившие братскому союзу славян» [15, с. 139], *мятежные* поляки, противопоставлены у Аксакова православно-славянскому миру, объединяющим центром которого выступает Российская империя.

«Встает болгарское племя»

Болгарский вопрос появляется на страницах анализируемых изданий в контексте репрезентации национально-освободительного движения на Балканах и получает (в сравнении с польским) диаметрально противоположную оценку в восприятии И.С. Аксакова. Как и во многих других публицистических текстах и выступлениях, писатель делает акцент в первую очередь на религиозном факторе: общность славянских народов на основе православной веры становится главенствующим принципом в конструировании панславистского дискурса Аксакова. Он создает образ угнетенных православных болгар, национально-освободительное движение которых необходимо поддержать любыми способами³.

При освещении состояния болгарского вопроса во второй половине 1860 г. Аксаков намеренно прибегает к эпитетам, подчеркивающим мирный, отнюдь не воинственный характер населения, «смешиваемого с сербами, валахами, греками» [15, с. 177], но в то же время не похожего ни на сербов, ни на черногорцев, которых турки стали уважать и бояться. Задача Аксакова-публициста состояла не столько в информировании читательской аудитории о начавшемся вооруженном сопротивлении болгар османской власти, сколько в формировании у этой аудитории определенного отношения к публикуемым материалам о народно-освободительном движении на Балканах. Аксаков подчеркивает, что болгары — это «мирные земледелы» [15, с. 177], «поселяне, торговцы да священники» [15, с. 178]; «шестимиллионное племя — *забитое, забытое*»; «самые покорные, самые безответные доселе подданные турецкого султана»; «самая миролюбивая и трудолюбивая славянская народность» [15, с. 177]; «простые робкие поселяне»; «мирное племя, эти райи, приобьихише пресмыкаться и ползать с слезными

³ Наиболее полно и ярко агитационная риторика И.С. Аксакова в поддержку балканских славян прозвучит в «Речах в заседаниях Московского славянского благотворительного комитета», о динамике развития болгарской темы и восприятия национально-освободительного движения в Болгарии в которых см.: [6].

мольбами у ног своих повелителей» [15, с. 179] и др. Очевидно, что такой подбор лексических средств ориентирован на создание устойчивого образа угнетенных мирных болгар, которые больше не могут «гнуть выи в *постыдном* турецком ярме, задыхаться под *тяжелую, веками наслоенную толщей позора и срама*» [15, с. 177].

В отличие от польского вопроса, Аксаков в отношении сопротивления болгар османской власти использует понятие не «мятеж», а «восстание», тем самым (по В.И. Карасику) разделяя позицию не «угнетателя», а «угнетенного», к которому, очевидно, испытывает сочувствие. Таким образом, он придерживается диаметрально противоположной стратегии в освещении борьбы двух народов за независимость от власти империи. Применительно к болгарскому вопросу понятие «восстание» в статьях «Москвы» и «Москвича» имеет у Аксакова две перспективы: 1) вооруженное сопротивление; 2) духовное возрождение.

Описывая начавшиеся в Болгарии волнения, Аксаков сосредоточивается на мысли о том, что даже при отсутствии шансов восставших на успех, важнее всего сам факт этого сопротивления:

Конечно, еще малая только часть подъяла знамя, еще только своих передовых, застрельщиков так сказать, выслало бедное оружием, и деньгами, и воинским опытом, привыкшее к сельским трудам болгарское племя, — но все дело в начине, в первых жертвах... <...> Надежд на успех оно, по-видимому, не имеет теперь пока никаких. Средства его скудны, ничтожны, но медлить долее было уже невозможно [15, с. 177].

Важно обратить внимание на два важных аспекта, которые выделяет И.Ф. Макарова при оценке освещения этих событий в русской и зарубежной прессе в целом: с одной стороны, вопреки неудачным выступлениям четников, европейская общественность вновь убедилась в решимости турецких славян начать восстание и в нецелесообразности административных реформ, а с другой — пресса того времени явно преувеличивала масштаб вооруженного сопротивления:

Многие авторитетные газеты (от французской «Le mond» до respectable русского «Голоса») с восторгом сообщали летом 1867 г. о тысячах восставших болгар, о захвате повстанцами горных перевалов, о больших потерях среди турок <...> Все эти репортажи, мягко говоря, не вполне соответствовали действительности. В данной связи Игнатъев посчитал даже необходимым «предостеречь» Горчакова «от преувеличения новостей, которые идут из Болгарии», <...> «за исключением двух или трех незначительных стычек открытых боев не было» [7, с. 46].

С учетом второго обстоятельства следует рассматривать и позицию Аксакова, который несколько гиперболизировал масштаб происходящего в Болгарии: «Начин положен, жертвы принеслись, полилась болгарская кровь, и *дрогнул весь* шестимиллионный народ. Восстание *быстро распространяется*» [15, с. 177].

Стоит сказать и о втором немаловажном значении понятия «восстание» в контексте болгарского вопроса — духовном возрождении болгар, о котором пишет Аксаков на страницах «Москвы» и «Москвича». Он подчеркивает ключевую роль России в вопросе образования болгар, приезжавших главным образом в Москву, чтобы «почерпнуть просвещение из родного источника и разлить его потом по болгарским городам и селам» [15, с. 178]. В свойственной ему эмоциональной манере публицист обращает внимание и на то, как «последний грош, сбереженный от жадности турка, отдавался на учреждение школы» [15, с. 178]. В духовном возрождении, обновлении нации Акса-

ков видит залог будущей политической независимости болгар от османского владычества. Однако опасность для болгарского населения представляет не только власть турок, но и «ложь европейско-либеральных форм, макиавеллическая система духовного растления, доселе неизвестная туркам и преподанная им их западными друзьями, — соблазны латинской и даже протестантской пропаганды» [15, с. 178], что в контексте системы общественно-политических взглядов Аксакова едва ли не хуже мусульманской угрозы.

Заключение

В недолго просуществовавших в конце 1860 гг. и сильно пострадавших от цензуры газетах «Москва» и «Москвич» И.С. Аксаков, занимавший в тот период видное место в российской общественно-политической мысли, продолжил развивать славянофильские идеи, однако на тот момент в его мировоззренческой парадигме они уже трансформировались в славянолюбие, по сути став националистическими. В освещении польского и болгарского вопросов публицист придерживается противоположных тенденций: он в негативной оптике воспринимает экспансию польской национальной идеи, опасаясь ее отрицательного влияния на русское население западных губерний; в отношении восстания 1863 г. в Царстве Польском, наряду с другими русскими консерваторами, использует понятие «мятеж», которое, как было показано, свидетельствует, что он разделяет позицию так называемых «угнетателей». При восприятии же национально-освободительного движения в Болгарии Аксаков стоит на позиции сочувствия «угнетенным», используя понятия «восстание», «возрождение» и делая акцент как на вооруженном сопротивлении, так и на духовном подъеме нации. В риторике его статей культивируется миф единого славянского мира, ключевой центростремительной силой которого служит православная вера, что в аксаковском дискурсе приводит к синонимизации понятий «славянский» и «православный» (даже славяне-католики, по Аксакову, принадлежат к этому единому православно-славянскому целому; кроме поляков: их публицист объявляет «врагами» славянства). В количественном отношении статьи, где затрагивается польская проблематика, превышают те, что посвящены болгарской, и это объяснимо стадиями развития общественно-политических явлений: для польского национального вопроса это уже ситуация постмятежа, в то время как болгарский только набирает свою силу и впереди еще десятилетие до русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в ходе которой он отчасти разрешится.

Список литературы

Исследования

- 1 Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Уфа: Изд-во Уфимского юр. ин-та МВД РФ, 2012. Вып. 4: в 3 ч. 1861–1869: Редактор-издатель газет «День», «Москва» и «Москвич». А.Ф. Аксакова (Тютчева) и И.С. Аксаков. Ч. 3: 1867–1869. 275 с.
- 2 Арсеньев К.К. Законодательство о печати. СПб.: Тип-лит. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1903. 264 с.
- 3 Горизонтов Л.Е. Январское восстание в нарративах истории России // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши. М.: Индрик, 2014. С. 96–104.

- 4 Греков В.Н. «Я иду своей дорогой...» Иван Аксаков о журналистике без шипов, цензуре и запрещении газеты «Москва» // Медиаскоп. 2011. №3. URL: <http://mediascope.ru/node/858> (дата обращения: 20.09.2025)
- 5 Карасик В.И. Восстание: интерпретативная матрица сюжета // Язык и культура. 2020. № 50. С. 41–56. <https://doi.org/10.17223/19996195/50/4>.
- 6 Лунькова Н.А. О восприятии И.С. Аксаковым национально-освободительного движения на Балканах: болгарская тема в «Речах в заседаниях Московского славянского благотворительного комитета» (1876–1878 гг.) // Устанци, побуне и ратови у словенским земљама у XIX и XX веку. = Восстания, бунты и войны в славянских землях в XIX и XX вв. Врање: Историјски архив «31. јануар»; Педагошки факултет Универзитета у Нишу, 2025 (Врање Refillprint). = Издательство Исторического архива «31-е января» в г. Вране; Педагогического факультета Вране Университета в Нише. С. 86–97.
- 7 Макарова И.Ф. «Русский след» в болгарском четническом движении 1867 года // Славяноведение. 2012. №5. С. 41–50.
- 8 Маслова А.А. «И проповедь неповиновения»: цензурный «маневр» И.С. Аксакова в издании газеты «Москвич» // История и архивы. 2025. Т. 7. №1. С. 82–98. <https://doi.org/10.28995/2658-6541-2025-7-1-82-98>
- 9 Мотин С.В. И.С. Аксаков о праве, свободе слова и цензурном законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2010. №4. С. 277–280.
- 10 Мотин С.В. Судебный процесс газеты «Москва» 1869 г.: министр внутренних дел А.Е. Тимашев против редактора газеты И.С. Аксакова // Пробелы в российском законодательстве. 2017. №1. С. 82–87.
- 11 Тесля А.А. Славянофилы и «польский вопрос» в 1840 – 1-й пол. 1860 годов // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. С. 191–216.
- 12 Тесля А.А. «Последний из “отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015. 799 с.
- 13 Цимбаев Н.И. Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. 2-е изд. М.: Изд-во Гос. публичная историч. б-ка России, 2013. 447 с.
- 14 Чуркина И.В. Славянофилы и М.П. Погодин о поляках (40–60 гг. XIX в.) // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши. М.: Индрик, 2014. С. 257–272.

Источники

- 15 Аксаков И.С. Собр. соч.: в 12 т. СПб.: Росток, 2015. Т. 1, кн. 1: Славянский вопрос. 642 с.
- 16 Аксаков И.С. Сочинения: в 7 т. 2-е изд. СПб.: издание Императорской публичной библиотеки, 1900. Т. 3: Польский вопрос и Западно-русское дело; Еврейский вопрос, 1860–1886: статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». 570 с.

***

© 2026. Natalia A. Lunkova
Saint-Petersburg, Moscow, Russia

**BULGARIAN AND POLISH QUESTIONS IN I.S. AKSAKOV'S PERCEPTION
(BASED ON THE MATERIALS OF THE NEWSPAPERS “MOSKVA” AND
“MOSKVICH”(1867–1868))**

Acknowledgements: The research was supported by Russian Science Foundation project no. 23-78-10045 “National Movements in the Optics of Imperial Legitimacy: Revolutions, Uprisings, Rebellions, and Revolts in Slavic Lands in the Rhetoric of Russian Authorities during the Long Nineteenth Century”.

Abstract: This paper analyzes, based on the articles by I.S. Aksakov published in the newspapers “Moskva” and “Moskvich” (1867–1868), his perception of the Polish and Bulgarian national questions. An important factor in understanding the specifics of his views on the socio-political life of Poles and Bulgarians was the idea of a unified Orthodox-Slavic world, in which Eastern Christianity serves as the centripetal force. Aksakov labels the Poles as “enemies of Slavichood” and, unlike other Slavic Catholics, places them outside this unity. Attention is drawn to the fact that in the evaluation of the actions of Poles and Bulgarians — peoples fighting for national independence and opposing the ruling empires — Aksakov adopts opposing positions and employs different terms to describe their resistance: “rebellion” in the case of the Polish question, and “uprising” / “revival” regarding Bulgaria. The study demonstrates that within the context of the Polish national idea, the concept of Polonization — an implicit, covert form of rebellion threatening the inhabitants of the Western Borderlands — is relevant, a point Aksakov first articulated in the newspaper “Den”. Regarding the Bulgarian question, Aksakov also perceives two vectors of uprising: armed resistance and spiritual revival.

Keywords: Aksakov, Pan-Slavism, Orthodoxy, Catholicism, Bulgarian question, Polish question, nationalism, Russian social thought.

Information about the author: Natalia A. Lunkova — Junior Researcher, Institute of History, St. Petersburg State University, Mendeleevskaya Line, 5, 199034 St. Petersburg, Russia; Junior Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Leninskii Ave, 32 A, 119334 Moscow.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9193-3890>

E-mail: lunkova_n@mail.ru

Received: November 17, 2025

Approved after reviewing: January 27, 2026

Date of publication: March 25, 2026

For citation: Lunkova, N.A. “Bulgarian and Polish Questions in I.S. Aksakov's Perception (Based on the Materials of the Newspapers ‘Moskva’ and ‘Moskvich’ (1867–1868)).” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 79, 2026, pp. 169–182. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-79-169-182>

References

- 1 *Aksakov Ivan Sergeevich. Materialy dlia letopisi zhizni i tvorchestva [Aksakov Ivan Sergeevich. Materials for the Chronicle of Life and Creativity]*, vol. 4: in 3 parts,

- 1861–1869: Redaktor-izdatel' gazet “Den”, “Moskva” i “Moskvich”. A.F. Aksakova (Tiutcheva) i I.S. Aksakov [Editor and publisher of the newspapers “Den”, “Moskva” and “Moskvich.” A.F. Aksakov (Tuchcheva) and I.S. Aksakov], part 3: 1867–1869. Ufa, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2012. 275 p. (In Russ.)
- 2 Arsen'ev, K.K. *Zakonodatel'stvo o pechati* [Legislation on Printing]. St.Petersburg, Tipo-litografiia F. Vaisberga i P. Gershunina, 1903. 264 p. (In Russ.)
- 3 Gorizontov, L.E. Ianvarskoe vosstanie v narrativakh istorii Rossii [“The January Uprising in Russian historiography narratives”]. *Pol'skoe Ianvarskoe vosstanie 1863 goda: Istoricheskie sud'by Rossii i Pol'shi* [The Polish January Uprising of 1863: Historical Fates of Russia and Poland]. Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 96–104. (In Russ.)
- 4 Grekov, V.N. “‘Ia idu svoei dorogoi...’ Ivan Aksakov o zhurnalistike bez shipov, tsenzure i zapreshchenii gazety “Moskva”” [“‘I am Going my Way...’ Ivan Aksakov on Journalism without Thorns, Censorship, and the Banning of the ‘Moskva’ Newspaper”]. *Mediascope*, no. 3, 2011. Available at: <http://mediascope.ru/node/858> (Accessed 20 September 2025) (In Russ.)
- 5 Karasik, V.I. “Vosstanie: interpretativnaia matritsa siuzheta” [“Uprising: Interpretive Matrix of the Plot”]. *Iazyk i kul'tura*, no. 50, 2020, pp. 41–56. <https://doi.org/10.17223/19996195/50/4> (In Russ.)
- 6 Lun'kova, N.A. O vospriiatii I.S. Aksakovym natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniia na Balkanakh: bolgarskaia tema v ‘Rechakh v zasedaniakh Moskovskogo slavianskogo blagotvoritel'nogo komiteta’ (1876–1878 gg.)” [“On I.S. Aksakov’s Perception of the National Liberation Movement in the Balkans: Bulgarian Theme in ‘Speeches at Meetings of the Moscow Slavic Charitable Committee’ (1876–1878)”]. *Ustanici, pobune i ratovi u slovenskim zemljama u XIX i XX veku = Vosstanija, bunty i vojny v slavjanskih zemljah v XIX i XX vv.* [Uprisings, Rebellions, and Wars in Slavic Lands in the 19th and 20th Centuries]. Vranje, Istorijiski arhiv “31.januar”; Pedagoški fakultet Univerzitetu u Nišu, Vranje Refillprint Publ., 2025, pp. 86–97. (In Russ.)
- 7 Makarova, I.F. “‘Russkii sled’ v bolgarskom chetnicheskom dvizhenii 1867 goda” [“The ‘Russian Trace’ in the Bulgarian Chetnik Movement of 1867”]. *Slavjanovedenie*, no. 5, 2012, pp. 41–50. (In Russ.)
- 8 Maslova, A.A. “‘I propoved' nepovinoventiia’: tsenzurnyi ‘manevr’ I.S. Aksakova v izdanii gazety ‘Moskvich’” [“‘And the Propagation of Disobedience’: Censorship ‘Maneuver’ of I.S. Aksakov in the Publication of the Newspaper ‘Moskvich’”]. *Istoriia i arkhivy*, vol. 7, no. 1, 2025, pp. 82–98. <https://doi.org/10.28995/2658-6541-2025-7-1-82-98> (In Russ.)
- 9 Motin, S.V. “Aksakov o prave, svobode slova i tsenzurnom zakonodatel'stve” [“Aksakov on the Right, freedom of speech, and censorship law”]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, no. 4, 2010, pp. 277–280. (In Russ.)
- 10 Motin, S.V. “Sudebnyi protsess gazety ‘Moskva’ 1869 g.: ministr vnutrennikh del A.E. Timashev protiv redaktora gazety I.S. Aksakova” [“The Legal Case of the Newspaper ‘Moskva’ in 1869: Minister of Internal Affairs A.E. Timashev against the Editor of the Newspaper I.S. Aksakov”]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, no. 1, 2017, pp. 82–87. (In Russ.)
- 11 Teslja, A.A. “Slavianofily i ‘pol'skii vopros’ v 1840 – 1-i pol. 1860-kh godov” [“Slavophiles and the ‘Polish Question’ in 1840 – first half of 1860s”]. *Filosofia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, vol. 5, 2021, pp. 191–216. (In Russ.)

- 12 Teslja, A.A. “*Poslednii iz ‘ottsov’*”: *biografija Ivana Aksakova* [*The Last of the ‘Fathers’: A Biography of Ivan Aksakov*]. St. Petersburg, Vladimir Dal’ Publ., 2015. 799 p. (In Russ.)
- 13 Tsimbaev, N.I. *Slavianofil'stvo: iz istorii russkoi obshchestvenno-politicheskoj mysli XIX veka* [*Slavophilism: from the History of Russian Social and Political thought of the 19th Century*]. 2nd ed. Moscow, State Public Historical Library of Russia Publ., 2013. 447 p. (In Russ.)
- 14 Churkina, I.V. “Slavianofily i M.P. Pogodin o poliakakh (40–60-e gg. XIX v.)” [“Slavophiles and M.P. Pogodin on Poles (1840s – 1860s)”]. *Pol'skoe Janvarskoe vosstanie 1863 goda: Istoricheskie sud'by Rossii i Pol'shi* [*The Polish January Uprising of 1863: Historical Fates of Russia and Poland*]. Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 257–272. (In Russ.)